



Александр Тэмлейн (псевдоним)

Настоящее имя — Александр Александрович Змушко. Родился в 1981 году. Окончил Белорусский Государственный Университет, факультет биологии, по специальности «биотехнология». Научный сотрудник отдела биотехнологии РУП «Институт плодородства», Республика Беларусь (основные направления работы — «Генетическая изменчивость яблони в искусственных условиях» и «Коккомикоз — грибное заболевание вишни»). Автор работает преимущественно в жанрах НФ (научной фантастики), приключенческой, философской и юмористической фэнтези, альтернативной истории, детской сказки, постмодерна.

Перед ним лежала роскошная карта Уэмбро, города Воображаемого Мира. Ее нарисовал Фельо Великий, перед тем как лягушки-вампиры утащили его в вечное странствие. Лягушки пришли из Мира Альто, который он нарисовал задолго до Уэмбро.

Воображаемые миры были опасны, непредсказуемы, безумны, но их смертоносное очарование влекло, как запах красной орхидеи. Тысячи людей пропадали на их улицах, сотни умирали в Зловонных болотах и Хищных песках.

Салес купил ее у мальчишки-разносчика на углу Улицы Сизых Кишок. Она была копией Карты, что нарисовал отшельник Фельо в день Последнего Проклятия, за неделю до Исхода Богов. Карта была превосходна: она была начертана тонкими

линиями туши на выделанной человеческой коже. Узкие улочки Уэмбро, его переулки и тупики вырисовывались с удивительной четкостью.

Одни бежали в Вымышленные Миры от кредиторов. Другие — в поисках неземных наслаждений. Торговцы вывозили из Уэмбро, Альто и Фегниса причудливые растения, нелегальные наркотики, экзотических рабынь. Тысячи отправлялись, а возвращались — десятки. Улицы пожирала прохожих, дома оборачивались ловушками, незнакомцы — монстрами, охотящимися на зевак. Несуществующие миры, подобно ненасытной утробе, поглощали любопытных. И все-таки поток желающих не иссякал.

Салес не боялся смерти.

Но ему было кое-что нужно. Он взял резную костаную фигурку и поставил в центр улицы Качающихся Фонарей.

Дома пугающими монолитами взметнулись над ним. Свет покачивающейся лампы скользил по брусчатке пятном желтого цвета.

Луна повисла насмешливым ликом в небесах. Она скалилась, с презрением смотря на него. Дома, казалось, падали внутрь улицы, изгибаясь под невероятным углом.

С подоконников стекала кровь. Она капала на поросшие голубоватым мхом плиты, орошала головы громадных мухоморов.

— Эй, малец! — грубо окликнули его. — Тебе крэк не нужен?

Он обернулся. Прямо под фонарем стоял верзила, закутавшийся в плащ. У него были толстые щеки; лицо обрюзгшее, одутловатое. Под глазами выделялись синие круги.

— Порошок желтого лотоса, пыльца Алой Орхидеи, песок из саркофагов, пыль из гробов, тинктура вуду, любые виды наркотиков, приятель.

— Мне ничего не надо, — помотал головой Салес. — Я откажусь.

— А может, — перешел на шепот исполин, — вы желаете других развлечений?

Он навис над ним огромной тенью, увеличиваясь в размерах.

Фалернец невольно попятился.

— О чем вы?

Слова слетели с губ прежде, чем он успел вспомнить, что с порождениями фантазии лучше не говорить. Лишь в крайних случаях, ибо у Вымышленных Миров свои законы. Одно неверное слово может погубить в самом что ни на есть буквальном смысле.

— Люди, — ухмыльнулось создание. — Я торгую людьми. Для пыток, услад или развлечения.

Оно распахнуло свой плащ. Салес отшатнулся.

Под плащом не было ничего. Голова начиналась от подкладки, словно причудливый отвратительный отросток. А внутри было пусто. Ветер трепал полы плаща. Чудовище ухмыльнулось. Но хуже было другое.

Фалернец сглотнул. На подкладке изнутри были люди. Они были приколоты к ткани булавами, словно экзотические насекомые. Они корчились и извивались, пищали тонкими голосами. Крохотные, не больше пальца.

— Здесь есть все, о чем вы можете мечтать, — наклонилось над ним порождение. — Невинные девушки. Лапочки для утех, нетронутые. Рабы для истязаний. Философы для бесед. Угодливые слуги. Кого пожелаете?

От чудовища пахло фиалками.

— Нет-нет, — сказал Салес. — Пожалуй, я...

Внезапно его осенило.

— Вы торгуете здесь постоянно?

Монстр пожал плечами плаща.

— Каждое утро, день, вечер и ночь, с самого рождения мира.

Сердце у полукровки отчаянно заколотилось.

Он хрустнул пальцами, пытаясь преодолеть волнение.

— А вы... не видели здесь девушки, с волосами, подобными солнцу, глазами, полными небесной синевы, с ногами, длинными и стройными, и с голосом, чарующим, словно виолончель?

Собеседник задумался.

— Пожалуй... возможно, была одна. Она купила у меня карту Больфи. И ушла.

— Карту... Больфи? — изумился Салес. —

Я не знаю Вымышленного Королевства с подобным названием.

— Вы рисуете нас, а мы рисуем их, — проворчал чудовище. — А может быть, кто-то рисует вас, кто знает?

Подобная мысль Салесу в голову не приходила. Он испугался ее жутковатой очевидности. Но куда больше его волновал другой вопрос.

— А вы не продадите мне карту... Больфи?

— Отчего бы и нет?

— И чем мне расплатиться?

Голова на плаще призадумалась. Луна опустилась пониже, чтобы услышать ответ. Ее ухмылка показалась уроженцу Фалерны особенно злоеющей. Наконец монстр опустил голову и посмотрел в глаза Салеса своими бельмами.

— Глаз, — сказала оно. — Я хочу глаз. Я слепой, как крот, с самого рождения. Только и слышу, как гудит ветер да скребут крысы когтями по утрам.

Метис ощутил, как его охватывает дрожь.

— Я согласен, — торопливо сказал он, опасаясь, что чудовище передумает.

И было больно, и мир стал меньше. Он прижал пальцы к щеке, ощущая, как между них течет горячая кровь. Существо в пальто (или пальто и было существом?) удовлетворенно вертело добычу.

— Превосходно, — булькнуло оно. — Превосходно.

— Твоя часть сделки, — прохрипел Салес. — Скорей.

Монстр с сожалением сунул глаз в карман.

— Наслажусь потом, — пояснил он. — В спокойной обстановке.

Он вытащил свиток из кармана, того самого, где только что скрылась часть путешественника. Чудовище явно выглядело довольным. Его губы расплзались в сладострастной усмешке.

— Поспешите, — сказала оно, раскладывая карту на мостовой. — Кажется, вон те здания положили на тебя глаз. Причем буквально.

И Салес торопливо положил фигурку в центр карты.

Уэмбрец лежал на спине громадной рыбы. Та плыла по морю — алому и тихому, словно чай в стакане. Она дрейфовала медленно и неторопливо, словно величавый фрегат.

Изредка встречались другие рыбы, и тогда Салес переходил с одной скользкой спины на другую, наслаждаясь новизной впечатлений. На чешуе росли съедобные наросты, а еще фруктовые кусты. У него остался один глаз, который, как у циклопа, располагался в середине лба. Не о чем было жалеть.

Кто-то мог бы назвать его сумасшедшим, но его возлюбленная, его любимая, однажды шагнула на Карту и исчезла. И он намеревался ее найти.

На тридцать первой рыбе (Салес их считал) оказался люк. Он открыл его и шагнул вниз, по перитональной полости, прямо внутрь водоплавающего монстра. Там было сыро и пахло шампиньонами. Он нашел карту на стенке желудка — кто-то нацарапал ее гвоздем.

На этот раз глаза было два.

Зато руки стало три — третья росла из середины груди и была, в общем-то, удобной штуковиной. Салес никогда не слышал ни о чем подобном — должно быть, никто не путешествовал дальше Десяти Первых Карт.

Миры меняли его тело, а может, и память. Вспомнит ли он о том, ради чего отправился в Путь, спустя пять, десять, двадцать миров? Не превратится ли в камень, девушку или слизистую амёбу? Кто знает.

Куда больше собственного тела его заинтересовало помещение. Он находился в просторной комнате с большими окнами, выложенной халцедоном.

Из окна открывался прекрасный вид — облака, плывущие внизу, и солнце, садящееся в нефритовое море. Но еще интереснее был интерьер.

Помещение было заставлено кадками. В кадках сидели растения. Огромные, монструозные, зеленые с фиолетовыми наростами, мохнатые и глазастые — и сжимали усиками-стеблями обнаженных девушек.

Незнакомки были прекрасными и самыми разными — с янтарными глазами и фиолетовыми во-

лосами, с жемчужной кожей и четырьмя руками, с золотыми сосочками и покрытые перьями. Но не было Ее среди них.

— Среди вас нет моей возлюбленной? — спросил он.

Они лениво качали головами, погруженные в сон, полный неги и сладострастия.

— Останься с нами, останься с нами, — шептали они. — Здесь нет входа и выхода, и среброволосая девушка с аквамариновыми глазами не появлялась у нас, никогда. Иди в наши объятия, и тебе будет хорошо до конца жизни... Зачем она тебе, зачем ты ищешь ее?..

— Я ее люблю, — ответил он.

— Ты любишь мечту, — сказали они. — Признайся, ты обманываешь себя. Нет никакой девушки с глазами, полными лунного света. Остановись. Забудь свои поиски. Иди к нам...

Салес подошел к окну. Тонкие нити рек, глаза озер, морщины гор складывались в рисунок. Карта. Он улыбнулся. И шагнул за окно.

Салес сидел на карнизе, и у него было три глаза, черные рога и цепкий хвост. Рядом с ним сидела девушка: длинноногая и среброглазая, с волосами цвета крепленого вина.

Они смотрели на звезды. Звезды были крупными, словно монеты, инкрустировавшие небосвод.

Внизу текли реки лавы: оттуда поднимался теплый воздух и пахло сажей.

— Ты меня покидаешь? — спросила девушка.

Демон обнял ее одной из своих шести рук. Острые когти оцарапали ей кожу.

— Ты прекрасна, Татьяна, — сказал он. — Но я люблю ее.

— Девушку с волосами, подобными солнцу, глазами, полными небесной синевы, с ногами, длинными и стройными, и с голосом, чарующим, словно голос скрипки?

— Да.

Она отчаянно мотнула головой.

— Таких девушек не бывает! У волос всегда оттенков рыжего пламени, глаза — всегда черные, а голос режет, словно напильник, — в том и его очарование!

Он покачал головой.

— Я знаю, она существует.

Она задумалась.

— Ты знаешь... теперь, мне кажется, я видела одну такую. В Геенне быстро обо всем забываешь. Таков здесь воздух... Но захочет ли она тебя? Ты же чудовище!

— Я не знаю.

Она вздохнула. Прижалась к его черной груди.

— Она была моей любовницей. Но потом ушла. И карты забрала с собой. Но я нарисую тебе карту своей кровью, если ты на год останешься со мной.

Желтые джунгли Мехельвара опутывали город Брустелию.

Десять лет ушло у Салеса, чтобы добраться до яшмовых куполов Столицы Смерти, до ее мозаичных полов, где кудесником Вильфафином были выложены карты Других Государств.

Он прошел пустыню голодных Сердец; преодолел Горы Трупов и болота Зловонного Отчаяния. Он служил солдатом, был караванщиком, уборщиком в чайхане, визирем. Приносил девственниц в жертву богам и пил кровь в Заброшенных Руинах.

Он был женат два с половиной раза; обзавелся богатством и отрастил брюшко. Он крал, богохульствовал, грабил и убивал, чтобы заполучить карты Брустелии. И, наконец, узнал, где лежит город Семи Богов. Он продал всех невольниц, заложил дом, взял кредит, обратил в наличность имущество обеих жен и одной законной любовницы и отправился в путь.

Солнце опалило его кожу, сделав ее ярко-зеленой, он потерял одну руку на берегу Восьми Костей, и лихорадка съела два глаза из шести, когда он наконец ступил на мостовые Столицы Смерти. Он прошел по ее мозаичным полам и положил фигурку в середину рисунка из халцедона.

— А есть ли она? — спросил его человек в шляпе, подобной вавилонской башне.

Он курил длинную сигару, источающую сладкий зеленый дым.

— Мне кажется, вы ее выдумали, словно фантазию, идете за призраком, как за болотным огоньком. Остановитесь! Живите! Вы хоть помните, как ее звали?

Человек сидел за белым столом и меланхолично стряхивал пепел на труп. Труп укоризненно качал головой.

— Нет, — сказал Салес. — Я еще поищу.

Ведь если миров бесконечно много, и в каждом из них есть свои карты, и в каждой карте есть города — однажды он найдет Город, где будет ждать его Она.

Девушка с волосами, черными, словно гагат, с шестью глазами, полными янтаря, с ногами, длинными и стройными, и с голосом, подобным звучанию рассвета.

Нужно просто искать. **✎**